

УДК 94(470) «1941/1945»

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-100-113

ОБРАЗЫ ДЕТСТВА В СОВЕТСКОМ ПЛАКАТЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

Ларионов А. Э., Дворковая М. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить особенности репрезентации детских образов в советском пропагандистском плакате периода Великой Отечественной войны.

Процедура и методы. Проведён комплексный анализ источников по истории советской пропаганды 1941–1945 гг. с опорой на результаты исследований истории советской пропаганды в трудах отечественных учёных. В исследовании использовались методы: идеографический, историко-генетический и типологический методы. Кроме того, был применён метод частотного анализа с той оговоркой, что в роли исходных смысловых единиц выступают не лингвистические структуры, а визуальные образы.

Результаты. Образы детства занимали значимое место в едином нарративе советской визуальной пропаганды на всём протяжении Великой Отечественной войны. Образы детей служили мощным средством консолидации советского общества ради будущего, мотивируя людей в тылу и на фронте на сверхнапряжение. Сакрализация детства и восприятие всех детей как общего достояния и активных участников борьбы за будущее страны позволяет говорить о дуалистическом характере советского общества: традиционная сущность при внешних формах модерна, что сохранило за Россией статус субъекта истории.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщённые в статье данные и полученные результаты могут стать базой для дальнейших исследований в сфере истории социальных коммуникаций советского времени, а также способствовать патриотическому воспитанию учащихся в школьном и вузовском сегментах современного российского образования.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, массовая пропаганда, плакат, дети, традиционное общество

IMAGES OF CHILDHOOD ON THE SOVIET POSTER IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

A. Larionov, M. Dvorcovaya

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Annotation

Aim. To identify the distinctive features of the representation of children's images on Soviet propaganda posters created in the period of the Great Patriotic War.

Methodology. A comprehensive analysis of sources on the history of Soviet propaganda between 1941 and 1945 was performed. The research was supported by the results of studies on the relevant subject presented in Russian scientists' works. Ideographic, historical-genetic, and typological methods were

used in this scientific investigation. In addition, the method of frequency analysis was employed with the caveat that virtual images but not linguistic structures act as the original units of meaning.

Results. Images of childhood ranked high in the unified narrative of Soviet visual propaganda throughout the Great Patriotic War. Children's social roles and their status in Soviet society underwent major changes. Images of children were a powerful means of consolidating Soviet society for the sake of the future; they motivated people on the home front and on the frontline to withstand tremendous strain. The sacralization of childhood and the perception of all children as society's common heritage and at the same time active participants in the struggle for the future of the country allow us to postulate the dual nature of Soviet society. Its traditional essence combined with external forms of modernity preserved Russia's status as a subject of history.

Research implications. The summarised data and the obtained results can be used as a basis for further research in the field of the history of the social communications of the Soviet period. In addition, they can promote patriotic education of Russian school and university students.

Keywords: The Great Patriotic War, mass propaganda, poster, children, traditional society

Хотя мы и были дети, но спрос был как со взрослых, потому что была война...¹

Введение

Последнее десятилетие ознаменовалось повышенным интересом отечественных исследователей к вопросам истории советской пропаганды и к различным аспектам «детской политики» в идеологии и социальной политике раннего СССР. Непосредственно пропаганде в годы Великой Отечественной войны посвящён ряд научных статей [5; 6; 7; 8] и монографий [1]. Дети и детство как составная часть публичного властного дискурса подвергались анализу в целом ряде глубоких и интересных исследований как в научной периодике [10; 11; 12; 17], так и в монографических изданиях [3; 14].

Первые же годы Советской эпохи дают основание говорить о формировании детской политики как специфического и очень важного направления во всём советском социальном проекте, в дискурсивных практиках власти, в многообразных формах диалога государства и общества. Детство мыслилось, во-первых, как особая социопсихологи-

ческая реальность, требующая специального осмысления и регулирования; во-вторых, как непосредственное воплощение будущего страны, о котором необходимо заботиться; в-третьих, как такое состояние человека, которое требует сугубой заботы, любви и защиты. В современных исследованиях можно отыскать безусловные подтверждения этого. Например, нижегородский исследователь В. А. Сомов в своей работе «Первое советское поколение: испытание войной» на основе документальных материалов успешно реконструирует важнейшие тенденции государственной политики в сфере воспитания подрастающего поколения в 1920–1930-х гг. Можно сказать, что мелочей в этом деле не было. Регламентации подвергалось даже тематическое и художественное оформление детской игрушки [14, с. 24].

Хотя в области массового воспитания детей значительное место отводилось военизированному компоненту, но общая установка на необходимость заботы и защиты детей взрослыми неукоснительно проводилась в жизнь, внедрялась в общественное сознание, в т. ч. средствами культуры, которая, будучи достаточно жёстко подчинена идеологии, неизбежно соотносилась с пропагандой. Только за период 1922–1930 гг. многотысячными тиражами было выпущено более 20 плакатов, центральной темой которых

¹ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 1290. Оп. 7. Д. 44. Л. 57 // Сомов В.А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Нижний Новгород: Издательство ВВАГС. 2008. С.199.

были детство и материнство. Посредством плакатов в сознание общества и в повседневные социальные практики последовательно внедрялась идея необходимости особой заботы о детях¹. На факт сакрализации самой категории детства, хотя и не лишённой существенных противоречий при воплощении в культурном нарративе, указывает ульяновский филолог Л. П. Якимова: «Престижной формой социального поведения стало жить не настоящим, а будущим, во имя счастья детей. «Счастливое будущее детей» превратилось в знак качества текущей жизни строителей социализма, обрело значение ценностной категории» [17, с. 4].

Этот последовательно создаваемый образ был разорван самой исторической реальностью: с первых дней Великой Отечественной войны дети наравне со взрослыми оказались втянуты в её огненный водоворот. Детские судьбы были трагичны своей незащищённостью, детские смерти и страдания вызывали особенно острое восприятие и чувство вины у взрослых и особенно – военнослужащих. Взрослый человек может себя хотя бы теоретически защитить, он обладает социальным опытом, пожилые люди, даже умирая, могут сказать, что повидали этот мир. Дети же ничего этого за плечами не имеют. Но страдают и погибают наравне со взрослыми. Потому трагический феномен пребывания советских детей в пространстве войны потребовал самого серьёзного осмысления в обществе, которое наиболее адекватно могло быть осуществлено средствами художественной культуры, которая в самое ближайшее время вступила в тесное взаимодействие с пропагандой. Советская культура и пропаганда предвоенного времени могла помещать детей в ту или иную испытательную среду, когда от них требовалось проявлять вполне взрослые качества –

ответственность, смелость, необходимость самостоятельно осуществлять нравственный выбор. Однако прямые страдания, телесные повреждения, наконец, смерть ребёнка являлись почти табуированными темами – причём, скорее, на уровне общественного сознания, нежели в рамках административного дискурса. Исключения, в данном случае, лишь подтверждают правила. Во-первых, они редки в советской предвоенной культуре. Во-вторых, вознесены до уровня героического эпоса. Фигуры героизированных персонажей (вымышленный Мальчиш-Кибальчиш, реальный Павлик Морозов) в силу особенностей репрезентации воспринимались как мифические герои-демиурги, борющиеся с силами inferнального зла. Так что их смерть, во-первых, приобретала черты сакральной жертвы; во-вторых, оказывалась целесообразной в рамках эпического нарратива – ибо добро торжествовало, а в дальнейшем такого рода ужасов быть не должно, раз искупительная жертва принесена; в-третьих, массовость мемориальных практик как бы лишала страдания и гибель значимости и силы. Герои продолжали свою жизнь. И, повторимся, их героическая гибель за правое дело служила гарантией того, что подобное не повторится.

Но, как было отмечено выше, историческая реальность властно вмешалась в представления, казавшиеся незыблемыми. Снаряды и бомбы, обрушившиеся на советские города и сёла на рассвете 22 июня 1941 г., не делали различия между гражданскими и военными, между взрослыми и детьми. Далее были тяготы эвакуации и обыденный кошмар оккупации... Кто-то из детей оказался угнанным в Германию, кто-то пережил кошмары Саласпилса. Были «сыны полков», и дети-разведчики, и связные в подполье и партизанских отрядах. Сиротство и голод, беспризорность, лишения блокадного Ленинграда, тяжёлый труд – всё это дети военного времени хлебнули полной мерой.

¹ Дети в советском плакате 20-30-х годов // Живой Журнал: [сайт]. URL: <https://soviet-life.livejournal.com/2125904.html> (дата обращения 18.01.2021).

Итак, можно сделать обобщающий вывод: детские страдания и смерти стали константой повседневности социального хронотопа Великой Отечественной войны, вошли в обыденность как объективная данность [2]. Всё отмеченное было реальным и, преимущественно, стихийно возникшим социальным явлением. Можно сказать, что это были вызовы не только обществу и власти, но и советской культуре, императивным нормативом которой было требование опираться на реальную жизнь, черпать из неё материал для вдохновения и творчества. Таким образом, изменения в содержании детского дискурса советской пропаганды были в равной мере продиктованы военно-политической актуальностью и государственным заказом (официальной идеологие); запросами и ожиданиями общества; наконец, личными творческими и нравственными установками деятелей культуры (художники, литераторы, кинематографисты), которые не просто выполняли некий заказ, но и стремились выразить собственное видение окружающей реальности, передать свои впечатления.

Современная российская историография уделяет существенное внимание проблематике детства в условиях Великой Отечественной войны. Но внимание это распределено своеобразно. Ранее цитированный Владимир Сомов рассматривает тему государственной политики воспитания детей в предвоенное и военное время и ускоренной социализации детей в тылу как результат раннего вовлечения в трудовую деятельность, когда взрослые мужчины были мобилизованы в действующую армию [14].

Не менее значителен вклад в разработку темы «Детство и война» сотрудников ЮИЦ РАН: Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлыниной, Е. В. Архиповой и др. Их совместными усилиями подготовлена и опубликована коллективная монография о повседневной жизни детей в хронотопе Сталинградской битвы [3].

Значительным вкладом в изучение военного детства во всём его драматизме является опубликованный сборник архивных документов из фондов РГАСПИ с обширной вступительной статьёй Н. К. Петровой – «Война глазами детей»¹. Особенностью сборника является его нацеленность на то, чтобы с максимально возможной полнотой показать непосредственное переживание событий Великой Отечественной войны детьми. Что, безусловно, придаёт книге особую остроту и непреходящую актуальность.

Итак, описанию и анализу государственной детской политики, жизни детей в годы Великой Отечественной войны, равно как репрезентации их непосредственного героического и страдательного опыта в современной историографии уделяется существенное и неослабевающее внимание. Чего нельзя сказать об изучении особенностей того образа военного детства, который формировался в сознании общества на стыке культуры и государственной пропаганды. Официальный язык государственных документов и даже эмоциональные строки писем, дневников, воспоминаний и интервью хотя и дополняют друг друга, но далеко не всегда позволяют составить исчерпывающее представление о тех идеалах и ценностях, на основе которых выстраивалась как политика государства, так и повседневные социальные практики в отношении детей.

Этот пробел можно восполнить, если обратиться к визуальным источникам – пропагандистскому плакату и кинематографу военного времени. Следует отметить, что образ детей в советской пропаганде военного времени исследуется в работах донецкого исследователя В. Ю. Носкова [10; 11]. Однако в своих публикациях коллега опирается, преимущественно, на текстовые источники, прежде всего – на скрупулёзный анализ ежедневных сводок Совинформбюро, лишь

¹ Война глазами детей. Свидетельства очевидцев // отв. сост. Н. К. Петрова. М.: Вече, 2010. С. 3–28.

изредка упоминая советский плакат. Тем не менее его научные результаты имеют несомненную ценность – как вообще, так и в отношении темы настоящей статьи в частности.

Таким образом, налицо проблемная ситуация: комплекс источников присутствует, но его потенциал в полной мере не востребован. Попытка восполнить данную лауну предпринята в настоящей статье. В качестве ожидаемого научного результата предполагается углубление академического знания об аксиологической сущности советского общества военного времени и, соответственно, понимания сути истории всей Советской эпохи в максимальном освобождении от пристрастных и эмоциональных, а то и априори ангажированных оценочных суждений. В качестве основного источника используются пропагандистские плакаты военного времени и, в меньшей степени, образцы советского киноискусства военных лет.

В достаточно обширном каталоге изданий последних лет, посвящённых советскому плакату 1941–1945 гг., хотелось бы выделить издания под редакцией/авторством А. Ф. Шклярука [16], А. С. Мо-

розова [9], В. П. Панфилова, А. П. Слесарева и А. Г. Шерстнева [13].

Работа А. С. Морозова – это каталог с подробным перечислением всех пропагандистских плакатов военного времени, о которых сохранились сведения. Визуальный ряд составляет сравнительно меньшую часть издания. Тогда как две другие книги отличаются приоритетом к публикации репродукций самих плакатов, что позволяет составить непосредственное представление о смыслах, символах и способах донесения необходимых образов до массового сознания. Интересная информация представлена в публикациях сотрудников ГИМ из сборника трудов, посвящённых 70-летию Великой Победы [6; 8].

Дети на военном плакате: роль и интерпретация образов

Целесообразно начать предметный анализ в рамках темы статьи с издания «Наша Победа» [16]. В книге представлено 397 образцов плакатной продукции за 1941–1945 гг. Из этого достаточно большого объёма образы детей фигурируют на 49 плакатах – это 12% от общего количества (*табл. 1*).

Таблица 1 / Table 1

Образы детей на плакатах 1941–1945 гг. / Images of children on posters of 1941–1945

Годы войны	1941	1942	1943	1944	1945
Количество плакатов	6	13	14	8	8

Источник: Шклярук А. Ф. Наша Победа. Плакаты Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Контакт-Культура, 2010.

Количественные данные позволяют говорить о том, что «детская тема» занимала достаточно значимое место в советской визуальной пропаганде. Можно сделать предварительный вывод, что в образно-символической коммуникации дети были непререкаемыми и постоянными участниками войны. Соответственно, в общественном сознании и государственной политике, в официальных

и частных социальных практиках вопросы, связанные с судьбой детей в условиях тотальной войны, не просто присутствовали, но постоянно актуализировались. Пик актуализации приходится на 1942–1943 гг. – 27 плакатов из 48! Из общей истории Великой Отечественной войны мы помним, что на эти годы приходится, во-первых, критический момент лета 1942 г. (выход немецкой армии

на Кавказ и к Сталинграду), во-вторых, коренной перелом в ходе всей войны (победы в Сталинградской и Курской битвах, форсирование Днепра и освобождение Киева, ликвидация Ржевского выступа).

Напрашивается интересный вывод: в момент наивысшего накала сражений на фронтах трансляция детских образов в сознание общества и действующей армии также достигает кульминации! Т. е. различно трактуемые образы детства служат очевидным фактором мобилизации тыла фронта – ничуть не меньшим, чем, например, исторические коннотации в советском плакате, когда события и герои русской истории использовались в пропаганде на злобу дня. Визуальная пропаганда предстаёт, таким образом, не только исторически или антифашистски, но и, в не меньшей степени, «детско-ориентированным» ментальным пространством.

Исследуя тематику плакатов, посвящённых детям, можно увидеть следующую рубрикацию:

1. ребёнок на руках у матери;
2. дети, погибшие в результате немецких авианалётов и от рук немецких солдат;
3. дети в фашистском плену и рабстве;
4. дети и подростки – труженики в тылу;
5. подростки, участвующие в борьбе с оккупантами;
6. дети, встречающие солдат-освободителей и победителей.

Плакатный смысловой ряд может быть дополнен образами детей на почтовых открытках – здесь мы видим детей, пишущих и отправляющих письмо отцу на фронт с характерной подписью: «Папа, бей фашистов!» [6].

Таким образом, посредством трансляции визуальных образов в годы войны детям присваивались следующие социальные роли:

– собственно детей, как олицетворения будущего, нуждающегося в защите;

– тружеников, заменяющих взрослых и приближающих победу;

– защитников родной земли, помогающим армии и государству уничтожать врагов;

– жертв, страдающих и погибающих от рук немецко-фашистских захватчиков.

Как видим, ролевой спектр достаточно широк, собственно детская составляющая, как она мыслится в обыденном сознании, оказывается лишь небольшой её частью. Но равным образом достаточно скромное место уделено тематике страдающих и погибших детей. Например, в издании «Наша Победа» из 6 плакатов с детьми, относящихся к 1941 г., только 1 изображает погибшую или тяжело раненую девочку на руках у матери, призывающей бойцов к отмщению (плакат Анатолия Казанцева «Мщения! Фашизм – это голод, нищета и разорение!») [16, с. 77]. Отсюда можно сделать вывод о частичной ошибке донецкого исследователя Ю. В. Носкова, утверждающего в одной из своих публикаций: «Наиболее распространённым мобилизационным детским образом становится образ ребёнка-жертвы, направленный на формирование образа врага как «детоубийцы», он доминировал в радиоэфирах, газетах, кинематографе, агитационных плакатах, открытках» [9, с. 33]. Тем более что в конце этой статьи автор перечисляет образы «ребёнка-жертвы, ребёнка-подопечного, ребёнка-труженика и ребёнка-героя» без указания на доминирование первого образа. И если справедливость автора можно признать в отношении текстовой пропаганды (сводки Совинформбюро), то визуальная пропаганда в 1941 г. имела несколько иную структурную иерархию. На 5 остальных плакатах в зрительском ряду советских воинов и граждан в тылу представляли пионеры, разоблачающие диверсантов (плакаты Николая Кочергина «О том, как пионер Сеня диверсанта провёл к нефтебазе» и Алексея Пахомова «Ребята, защищайте Родину! Выслеживайте врагов, сообщайте взрослым»), собирающие металлолом

и помогающие взрослым в уборке урожая хлебов (плакаты Алексея Пахомова «Металлоломом по фашистам!» и Татьяны Ерёминой «Убрать урожай до единого зерна!»), участвующие в защите столицы от зажигательных бомб (плакат «Москва начеку» коллектив авторов) [16, с. 98].

Ситуация стала меняться в 1942 г.: из 13 относящихся к 1942 г. 6 «детских» плакатов изображают страдания и смерть ребёнка! Причём вполне реалистично: раненый ребёнок на руках у матери; младенец на материнских руках – семья осталась без крова посреди зимы, дети, с надеждой ожидающие Красную Армию из-за колючей проволоки концлагеря. Наконец, как кульминация – не оставляющие и сейчас равнодушными плакаты с изображением убитой маленькой девочки, на которую наступают окровавленный сапог со свастикой. В плакате Виктора Иванова и Ольги Буровой образ помещён посреди полевых цветов, тогда как в другом детоубийца выходит из избы, посреди которой лежит девочка с выпавшей из безжизненной руки куклой [16, с. 100]. Главная функция таких плакатов – не скорбь по мёртвым, но месть детоубийцам. Вражеские солдаты выводились из-под действия законов гуманизма и сострадания и подлежали безжалостному уничтожению. Мечь не просто легитимировалась, но и обретала сакральное обоснование.

Мотивы детских страданий и смертей использовались в плакате и в 1943–1944 гг. В 1943 г.: из 14 плакатов в 7 мы видим мотивы детских страданий – раны, голод, плен, смерть. Удельный вес сюжетов детского страдания сохраняется и в 1944 г. – 4 плаката из 8. Зато из 8 «детских» плакатов 1945 г. только на одном – мать с ребёнком в луже крови и попирающий их тела «эталонный» солдат вермахта. Этот плакат работы Алексея Кокорекина является напоминанием и призывом к беспощадной мести. В левом верхнем углу фраза «Убей его!», отсылающая сразу к стихотворению К. М. Симонова

«Если дорог тебе твой дом» и к знаменитому очерку Ильи Эренбурга «Убей!»¹ В правом верхнем углу помещено недвусмысленное мотивирующее напоминание: «Он убил твоих близких, сжёг твой дом, разорил твоё хозяйство!»

Образы плакатов и историческая реальность

В общей сложности из 49 приводимых в издании «Наша Победа» плакатов 19 обыгрывают тему ребёнка – жертвы войны и захватчиков, т. е. не менее 40%! Получается, что рассмотренный выше тезис Ю. В. Носкова более применим не к 1941 г., а к следующим годам войны. Но всё же он не абсолютен.

При анализе содержания плакатов не может не возникнуть вопрос о том, какова степень соответствия изображаемых сюжетов исторической реальности. Или, иначе говоря, насколько правдивой была советская визуальная пропаганда военного времени? Не создавала ли она «симулякр», вымышленную реальность?! Ранее, в советское время, такой вопрос даже не возник бы. Однако сейчас, в период «войн памяти», агрессивного ревизионизма и поддерживаемого на государственном уровне антисоветизма (не только на Украине, но и в России) для таких вопросов и утверждений создана благоприятная почва.

Для ответа на этот вопрос обратимся к аутентичным свидетельствам. Вот показания Бори Лупполова из Смоленской области: «Мы попали в лапы немцам. Собрали нас всех вместе, огородили проволокой, хлеба давали иногда по 100 г, а воды из колодца не давали. Как что скажешь – бьют до смерти. Насчитали нас 1 000 человек, у всех отобрали маленьких ребят и закопали живыми в землю. В эту страшную могилу попали и мои маленькие 2 сестрёнки и 2 братишки. Мама хотела защитить ребят, но за это поплатилась жизнью. Её убили. А братишек и сестрё-

¹ Эренбург И. Убей! // Красная звезда. 1942. 24 июля.

нок так и закопали. Чтобы не видеть и не слышать, как они кричат, я лёг на землю и уткнул лицом в грязь, а уши заткнул. Я остался один. Когда толпу повели на расстрел, я убежал в лес». А вот что рассказывала 14-летняя Катя Чувакова после освобождения её родного села от немцев: «Солдаты хотели искалечить маленького ребёнка: взять у него стакан крови и вырезать часть кожи со спины для лечения своих раненых фашистов. Мать не дала солдатам маленького сына. За это солдаты на глазах ребёнка повесили мать, а потом вырезали у мальчика четыре пластинки кожи со спины и взяли кровь. Мальчик тоже умер»¹.

Такого рода свидетельств существует и опубликовано великое множество. Их подлинность сомнений не вызывает, т. е. цитированный жуткий рассказ не есть специально отобранный и не имеющий аналогов. И никакие рассказы о «добрых немцах», угощавших советских детей шоколадом, не могут скрыть непреложного факта: детоубийство в традиционном мировоззрении христианской, исламской, буддийской культуры, воспринимаемое как страшный эксцесс, нарушение священного миропорядка и покушение на будущее, для оккупационного режима таковым не являлось. Тем более, если дело касалось «унтерменшей», представителей низших рас. Следовательно, плакаты, изображавшие детские страдания и смерть, были реалистичны настолько, насколько это вообще возможно для массовой пропагандистской продукции. Они предельно доходчиво доносили до сознания тылового населения и военнослужащих правду жизни, сколь бы страшной она не была.

Столь же реалистичными оказываются и плакаты, посвящённые детским тяготам войны. Выше упоминался плакат Виктора Иванова и Ольги Буровой,

изображавший семью, оставшуюся без жилья посреди зимы, с призывом к военнослужащим: «Товарищ боец! Отвоёвывай родную землю, освобождай родных людей!» [16, с. 98] Возможно, из нашего «прекрасного далёка» кому-то сюжет покажется обобщающей гиперболой. Но вот совершенно конкретное свидетельство фронтового художника-корреспондента Александра Гавриловича Вязникова, прошедшего дорогами войны вместе с гвардейцами-танкистами М. Е. Катукоева от Подмоскovie до Берлина. Свидетельство относится к зиме 1943 г.: «Во время марша остановились в небольшой деревеньке Гоголь, в избушке, стоящей у тракта. Хозяйка – бабушка, у которой на руках двое внуков-сирот.

Старший из них, Вася, лет 10–11, рассказал нам о своей невесёлой жизни. Фашисты каждый день гоняли мальчишку работать по 12–14 ч на расчистку большака от снежных заносов. Семья голодала. Бабушка рубила солому, из этой сечки пекли хлеб. От голода начали опухать.

– Как-то раз поздно пришёл с работы усталый, – говорит он, – меня удивило, что бабушка поставила на стол миску мясного варева. Я съел его, а позже заметил, что дома нет собаки. Я понял, что скоро мы погибнем. Спас нас приход советских войск»².

Концентрация образов в этом кратком отрывке очень высока: здесь и подневольный изнурительный труд, сиротство, голод и угроза голодной смерти, возвращение Красной Армии как спасение. И что же? Всё это мы можем увидеть на плакатах, изображающий детей в условиях войны. Художники-авторы плакатов не преувеличили и не придумали ни одного сюжета – все они полностью соответствуют правде истории.

Но самое примечательное в связи с приведённым отрывком – это дальнейшая судьба мальчика Васи Головачёва: он был

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 32. Д. 95. Л. 211 // Война глазами детей. Свидетельства очевидцев // отв. сост. Н. К. Петрова. М.: Вече, 2010. С. 97, 107.

² Вязников А. Г. Записки военного художника-корреспондента. 1941–1945. Л.: Художник РСФСР, 1968. С. 46.

принят в редакцию газеты 1-й Гвардейской танковой армии, прошёл до Берлина в качестве «сына полка», а впоследствии был зачислен в суворовское училище.

Между тем ещё в 1942 г. за авторством художника Фёдора Антонова вышел плакат на актуальную тему судеб детей, пострадавших от войны. На фоне женщины, заботливо обнимающей маленького ребёнка, помещена надпись: «Окружим лаской и заботой детей, пострадавших от фашистских варваров!» [16, с. 105]. А в 1943 г. плакат «Окно ТАСС № 815» художника Петра Алякринского был посвящён приёму детей в суворовское училище.

Получается, что если мы соединим в один визуально-смысловой ряд 3 плаката и сопоставим их с кратко рассказанной историей из дневника А. Вязникова, то получим совершенно правдивую биографическую линию маленького человека. Микроистория, основанная на источниках личного происхождения, оказывается полностью совпадающей с официальным макроисторическим нарративом в его визуально-символической репрезентации! И этот вывод имеет принципиальное методологическое значение для дальнейшего изучения истории советской пропаганды, коммуникации власти и общества в годы Великой Отечественной войны.

Получив и успешно апробировав данную концептуально-методологическую модель, приложим её к другим сюжетам советской плакатной пропаганды, связанным с «детской темой» войны. В силу объективных обстоятельств труд детей и подростков стал неотъемлемой частью повседневной реальности войны и важным фактором Победы СССР. Совершенно логичными в этом социально-историческом контексте выглядят плакаты, мотивировавшие советских детей заменить ушедших на фронт отцов и старших братьев в промышленности и сельском хозяйстве.

Уже в 1941 г. взорам советских граждан, в т. ч. и детей, предстал плакат Татьяны Ерёмкиной «Убрать урожай до единого

зерна!»: три женских образа – пожилая крестьянка, зрелая женщина и девочка-пионерка – за уборкой хлеба [16, с. 64]. Примечательна сугубая реалистичность: девочка скручивает жгут из колосьев для перевязки очередного снопа. Работа ей выделена по силам, но не менее важная. На плакате Алексея Пахомова (1942 г.) подросток 12–14 лет изображён у станка в цеху одного из заводов Ленинграда (плакат обращён к юношам и девушкам Ленинграда) [16, с. 92]. Таким образом, дети представлялись общественному сознанию в качестве очень важных и полноправных участников трудовой жизни, производственного процесса в масштабах страны.

А как обстояло дело в реальности? Для ответа на этот вопрос обратимся к монографии В. Сомова «Потому что была война», которая в значительной степени построена на анализе источников личного происхождения тружеников тыла в годы войны (на материалах Поволжья). Вот лишь один пример из многих: «Как вспоминала жительница Лысковского района Горьковской области В. В. Никитина (1927 г. р.): «Мужчины почти все ушли на фронт. А выращивать и убирать хлеб надо было. Работали все – и стар, и млад. Дома никто не сидел. Большие надежды возлагались на нас – школьников 8–9-х классов... Опускались руки от усталости, хотелось спать и есть, и не видеть бы снопов. Жали с нетерпением, когда сломается молотилка, чтоб хоть часок вздремнуть прямо на копне. Починят молотилку, затарахтит она, окаянная, а всех как ветром сдуло. Бегают Мишка Злой (бригадир), кричит, матерится, никто не слушает его. Сон все переборол. Но вдруг в ночи раздастся чей-то голос:

– Ребята, вставайте, пора! За Родину, за Сталина – давай! И пошла работа» [15, с. 200].

В этом откровенном отрывке слились воедино и реалии военного детства, и единство народа, наивные, по-человечески понятная мечта о поломке молотилки,

чтобы хоть немного передохнуть. Но и способность детей к сверхнапряжению, и торжество духа над плотью во время ночных подъёмов. Степень релевантности исторической реальности в личном преломлении и образов визуальной пропаганды представляется близкой к 100%.

Образ детей, пишущих и отправляющих письмо на фронт отцу, при ближайшем рассмотрении оказывается не менее реалистичным. Детские письма составляют особую часть военно-эпистолярного жанра. В фондах Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО) автору удалось обнаружить письмо ребёнка крёстному на фронт, которое целесообразно привести здесь полностью с сохранением орфографии и пунктуации подлинника:

«Здравствуй дорогой хрёсный шлю я тебе свой привет. Хрёсный бей немца прямо в бок крёсный приезжай домой я выросла большая. Хрёсный мы тебе будем ждать хрёсный приезжай блины есть шлют тебе мама и папа ещё шлёт тебе брат коля и сестра тома. Хрёсный песать больше нечего. Пока до свидания. Мы сейчас едим блины. Писала 11-го марта 1945 года.

Я пока учусь хорошо и Юля учится хорошо Юля учится в пятом классе а я учусь во втором классе Песать пока нечево»¹. Судя по датировке письма, оно было написано в период Масленицы накануне Великого поста (Пасха в 1945 г. выпала на 6 мая). Маленькая девочка пишет письмо на фронт, с детской непосредственностью передавая подробности жизни. Художественный образ на открытке получает буквальное подтверждение в такой важной социальной практике войны как обмен письмами тыла с фронтом.

Не будет искажением истины утверждение, что данная положительная связь пропаганды и жизни с незначительными вариациями прослеживается и в прочих сюжетах тех советских плакатов, которые посвящены детям. Нарратив советского

¹ ЦГАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 466. Л. 8-об.

плаката времён Великой Отечественной войны может быть идентифицирован как правдивый и реалистический. Бесспорно, определённая идеализация и эстетизация в нём присутствовала. Однако в своём плакатном творчестве советские художники неизменно опирались на окружающую их социальную действительность. Получается, что плакаты не просто изображали эталонные образцы социальных практик и коммуникаций, но и говорили языком художественных образов о том, что миллионам простых советских людей было понятно и очевидно. Советская пропаганда не творила некий «симулякр реальности», как то утверждают некоторые современные авторы [1, с. 234–235], но конституировала существующую реальность, в то же время придавая ей вектор движения к будущему, к Победе как желаемому состоянию бытия страны, народа и каждого человека в отдельности.

Заключение

Всё сказанное позволяет сделать следующие выводы:

1) «Детская тема» в советском пропагандистском плакате военного времени занимала важное место и постоянно актуализировалась в публичном дискурсе.

2) Статусно-ролевая нагрузка детей, равно как и сам их образ в сознании общества и в государственной политике претерпел существенные изменения по сравнению с довоенным временем, приобретая многоплановый характер. По сути можно говорить о множественных модулях социального бытия детей и подростков в годы войны.

3) Наряду с образом ребёнка – жертвы войны и немецких захватчиков, безвинного страдальца, активно формировался образ ребёнка-труженика и ребёнка-участника борьбы с агрессорами. Причём речь шла не только о вспомогательных функциях рядом со взрослыми, но и о вполне автономных.

4) Фактически плакаты конституировали и легитимировали сверхбыстрое

взросление советских детей, чьё детство пришлось на пору военного лихолетья. Грань между детством и взрослостью стремительно истончилась, порой до неразличимости.

5) Однако уравнивая детей со взрослыми в плане исполняемых социальных функций (в интересах всего социума и защиты его будущего), советская пропаганда делала детей полноправными участниками и даже вершителями судеб Большой Истории. С долей горькой иронии можно сказать, что мечта многих детей поскорее повзрослеть и сравняться с родителями по значимости, а то и превзойти их сбылась столь быстро, трагично и непредсказуемо. Фраза, вынесенная в качестве эпиграфа к настоящей статье, абсолютно точно отображала социальную действительность военного детства.

6) При всём том советское государство не забывало ни на миг об изначальном, естественном статусе детей. Отсюда постоянное присутствие в плакатах сюжетов, посвящённых необходимости защищать и опекать детей. К концу войны происходит образно-символическое восстановление статуса детства как сакральной социальной страты – солдаты, вернувшиеся с войны и держащие на руках своих и чужих детей, символизировали возвращение детей в прежнее, довоенное состояние.

7) Очень важным является и ещё один аспект визуализации детских образов на плакатах: дети как бы становились общенародным достоянием – благодаря плакатам каждый ребёнок мог теперь восприниматься как сын/дочь каждого взрослого человека. Защита детства становилась общим делом. Соответственно, и будущее, олицетворением которого естественно является детство, также оказывалось предметом коллективной заботы. Резко усиливалась концепция «общества-семьи». Впрочем, дети также учились и привыкали воспринимать страну, её будущее как общее достояние, за которое они также в ответе. Идея слу-

жения Родине в полной мере распространилась на детей. Таким образом, степень традиционализма СССР в годы войны возрастала – не в последнюю очередь, благодаря «детской теме» в пропаганде.

8) Поскольку образцы плакатной продукции доставлялись также в действующую армию, размещаясь в политотделах и агитпунктах частей и соединений, печатаясь в армейских газетах, то образы детей – страдающих, работающих, ждущих освобождения, нуждающихся в защите красноармейцев – неизбежно становились частью ментальности Красной Армии, духовного пространства фронтовой повседневности.

9) На примере «детского сегмента» советской визуальной пропаганды можно утверждать, что в целом она являлась правдивым отражением действительности. Т. е. власть говорила с народом на одном языке, в основе которого лежали правда и общие ценности. Именно этим можно объяснить в целом высокую эффективность советской пропаганды (коль скоро общество сохранило единство, идентичность и лояльность даже в периоды тяжелейших военных кризисов).

10) На примере детских образов советского агитационного плаката отчётливо видно, что советское общество как социально-исторический феномен носило характер традиционного, но облечённого в защитные технологии модерна (массовая пропаганда есть порождение именно эпохи модерна). Этот консервативно-традиционалистский характер советской модернизации, который подчас негативно-саркастически характеризуется некоторыми представителями либеральной парадигмы в историографии [4, с. 565, 575], по нашему мнению, был единственным спасением русской цивилизации в исторических реалиях XX в. И именно в освоении его опыта, а не в огульном безграмотном утверждении, что СССР не производил «ничего кроме калош», заключается возможность сохранения исто-

рической субъектности России в условиях современного «глобального тупика».

Таким образом, в процессе работы над статьёй проблема о роли и функциях детских образов в советской визуальной пропаганде была успешно решена. Полученные результаты и структурированные в тексте факты и свидетельства могут

быть использованы для дальнейших исследований по истории советской эпохи в целом и Великой Отечественной войны в частности, а также преподавании курса отечественной истории и в патриотическом воспитании детей и молодёжи.

Статья поступила в редакцию 28.01.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландина О. А., Давыдов А. Ю. Власть, информация, общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб.: Евразия, 2020. 336 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Очерки по исторической поэтике. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
3. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М. А. Рыблова, Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина, Е. В. Архипова, И. И. Курилла, М. П. Назарова. Волгоград, 2015. 336 с.
4. Добренко Е. А. Поздний сталинизм. Эстетика власти. Т. 1. М., 2020. 712 с.
5. Задворнов Г. Д. Роль и место идеологической работы в психологическом противоборстве в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3 (2). С. 308–312.
6. Инджия Л. Б. Почтовые карточки и открытые письма периода Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война. Исследования. Документы / под ред. О. Афанасьевой, Е. Князевой. М., 2015. С. 100–121.
7. Ларионов А. Э., Дворковая М. В. Образы русской истории в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны. Часть 1 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 213–225.
8. Миняйло Н. Г. Взгляд на войну из «Окон ТАСС» // Великая Отечественная война. Исследования. Документы / под ред. О. Афанасьевой, Е. Князевой. М., 2015. С. 6–21.
9. Морозов А. С. Агит-окна. Окна ТАСС. 1941–1945. (Советский политический плакат. Библиографический указатель). М.: Контакт-Культура, 2013. 479 с.
10. Носков В. Ю. Формирование образа военного детства в советской пропаганде на начальном этапе Великой Отечественной войны (июнь–декабрь 1941 года) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2016. № 2 (58). С. 30–37.
11. Носков В. Ю. Образ ребёнка-жертвы в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны (по материалам сообщений Совинформбюро) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2018. № 1 (64). С. 7–17.
12. Рябова Т. Б., Рябов О. В. Образы детей и детства в символической политике // Политическая экспертиза: Политэкс. 2019. Т. 15. № 3. С. 417–434.
13. Смех – дело серьёзное: сатирическая печатная графика Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: из коллекции Государственного центрального музея современной истории России / сост. В. П. Панфилова, А. П. Слесарев, А. Г. Шерстнева. М., 2015. 77 с.
14. Сомов В. А. Первое советское поколение: испытание войной. М., 2015. 176 с.
15. Сомов В. А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нижний Новгород, 2008. 234 с.
16. Шклярчук А. Ф. Наша Победа. Плакаты Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Контакт-Культура, 2010. 256 с.
17. Якимова Л. П. Образ ребёнка в советской литературе 20-х годов // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2015. №1. С. 4–17.

REFERENCES

1. Balandina O. A., Davydov A. Yu. *Vlast, informatsiya, obshchestvo: ikh vzaimosvyazi v deyatelnosti Sovetskogo informbyuro v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny* [Power, information, society: their interrelationships in the activities of the Soviet Information Bureau during the Great Patriotic War]. S.Petersburg, Evraziya Publ., 2020. 336 p.
2. Bakhtin M. M. [Forms of time and chronotope in the novel]. In: *Ocherki po istoricheskoi poetike* [Essays on Historical Poetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. P. 234–407.
3. Ryblova M. A., Krinko E. F., Khlynina T. P., Arkhipova E. V., Kurilla I. I., Nazarova M. P. *Detstvo i voina: kul'tura povsednevnosti, mekhanizmy adaptatsii i praktiki vyzhivaniya detei v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Stalingsradskoi bitvy)* [Childhood and war: the culture of everyday life, the mechanisms of adaptation and practice of survival of children in the conditions of the Great Patriotic War (based on the materials of the Battle of Stalingrad)]. Volgograd, 2015. 336 p.
4. Dobrenko E. A. *Pozdnii stalinizm. Estetika vlasti. T. 1* [Late Stalinism. The aesthetics of power. Vol. 1]. Moscow, 2020. 712 p.
5. Zadornov G. D. [The role and place of ideological work in psychological confrontation during the Great Patriotic War]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2017, vol. 19, no. 3 (2), pp. 308–312.
6. Indzhiya L. B. [Postcards and open letters from the period of the Great Patriotic War]. In: Afanaseva O., Knyazeva E., ed. *Velikaya Otechestvennaya voina. Issledovaniya. Dokumenty* [The Great Patriotic War. Research. Documents] M., 2015. C. 100–121.
7. Larionov A. E., Dvorkovaya M. V. [Images of Russian history in Soviet propaganda during the Great Patriotic War. Part 1]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriiya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2019, no. 4, pp. 213–225.
8. Minyailo N. G. [Look at the war from the «Windows TASS»]. In: Afanaseva O., Knyazeva E., ed. *Velikaya Otechestvennaya voina. Issledovaniya. Dokumenty* [The Great Patriotic War. Research. Documents]. Moscow, 2015. P. 6–21.
9. Morozov A. S. *Agit-okna. Okna TASS. 1941–1945. (Sovetskii politicheskii plakat. Bibliograficheskii ukazatel)* [Agit windows. TASS windows. 1941–1945. (Soviet political poster. Bibliographic index)]. Moscow, Kontakt-Kultura Publ., 2013. 479 p.
10. Noskov V. Yr. [Formation of the image of military childhood in Soviet propaganda at the initial stage of the Great Patriotic War (June–December 1941)]. In: *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy* [Journal of Historical, Political and International Studies], 2016, no. 2 (58), pp. 30–37.
11. Noskov V. Yu. [The image of a child victim in Soviet propaganda during the Great Patriotic War (based on materials from the Sovinformburo)]. In: *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy* [Journal of Historical, Political and International Studies], 2018, no. 1 (64), pp. 7–17.
12. Ryabova T. B., Ryabov O. V. [Images of children and childhood in symbolic politics]. In: *Politicheskaya ekspertiza: Politeks* [Political Expertise: Politeks], 2019, vol. 15, no. 3, pp. 417–434.
13. Panfilova V. P., Slesarev A. P., Sherstneva A. G., ed. *Smekh – delo seryeznoye: satiricheskaya pechatnaya grafika Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: iz kolleksii Gosudarstvennogo tsentral'nogo muzeya sovremennoy istorii Rossii* [Laughter is a serious matter: satirical printed graphics of the Great Patriotic War of 1941–1945: from the collection of the State Central Museum of Modern History of Russia]. Moscow, 2015. 77 p.
14. Somov V. A. *Pervoe sovetskoe pokolenie: ispytanie voinoi* [First Soviet Generation: Trial by War]. Moscow, 2015. 176 p.
15. Somov V. A. *Potomu chto byla voina... Vneekonomicheskie faktory trudovoi motivatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945)* [Because there was a war ... Non-economic factors of labor motivation during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Nizhny Novgorod, 2008. 234 p.
16. Shklyaruk A. F. *Nasha Pobeda. Plakaty Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Our Victory. Posters of the Great Patriotic War 1941–1945]. Moscow, Kontakt-Kultura Publ., 2010. 256 p.
17. Yakimova L. P. [The image of a child in Soviet literature of the 20s]. In: *Vestnik Ulyanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Ulyanovsk State Technical University], 2015, no. 1, pp. 4–17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ларионов Алексей Эдиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: allar71@yandex.ru

Дворковая Марина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: marinadvorkovaya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey E. Larionov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Age, Moscow Region State University;
e-mail: allar71@yandex.ru

Marina V. Dvorkovaya – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Age, Moscow Region State University;
e-mail: marinadvorkovaya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ларионов А. Э., Дворковая М. В. Образы детства в советском плакате периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 100–113.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-100-113

FOR CITATION

Larionov A. E., Dvorkovaya M. V. Images of childhood on the Soviet poster in the period of the Great Patriotic War (1941–1945). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 100–113.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-100-113